

Русь и Восток в IX-XVI веках

Новые
археологические
исследования

Ответственные редакторы:
Н. А. МАКАРОВ, В. Ю. КОВАЛЬ

Составитель
В. Ю. КОВАЛЬ

МОСКВА НАУКА 2010

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 09-01-16070д*

Рецензенты:

доктор исторических наук А.В. ЧЕРНЕЦОВ,
кандидат исторических наук Е.А. АРМАРЧУК

Русь и Восток в IX–XVI веках: новые археологические исследования / отв. ред. Н.А. Макаров, В.Ю. Коваль; сост. В.Ю. Коваль; Ин-т археологии РАН. – М.: Наука, 2010. – 265 с. – ISBN 978-5-02-037569-7 (в пер.).

Издание продолжает публикацию тематических сборников по археологии Древней Руси, вышедших в 2003, 2005 и 2008 гг. ("Русь в XIII веке: древности темного времени"; "Русь в IX–XIV вв.: взаимодействие Севера и Юга", "Сельская Русь в IX–XVI веках"). В книге представлены как итоги полевых археологических исследований последних лет, так и обобщающие проблемные работы, направленные на осмысление накопленного материала. Сборник состоит из 23 статей, которые сгруппированы в два раздела. Первый включает работы, посвященные изучению различных аспектов связей средневековой Руси со своими восточными соседями (Волжской Булгарией, Золотой Ордой, кочевниками Причерноморья), второй – статьи, в которых исследуются древности этих регионов, причем отдельным блоком в него входят публикации с антропологической тематикой.

Для историков, этнологов, археологов и широкого круга читателей.

По сети "Академкнига"

ISBN 978-5-02-037569-7

© Институт археологии РАН, 2010
© Коваль В.Ю., составление, 2010
© Редакционно-издательское оформление.
Издательство "Наука", 2010

Контакты Руси и Нижнего Поволжья в эпоху Золотой Орды

Нижнее Поволжье было доменом золотоордынских ханов (здесь кочевали их ставки), являлось экономическим и политическим центром Улуса Джучи, средоточием всех торговых путей этого государства вплоть до его распада. Именно раскопки нижеволжских городских центров Улуса Джучи “создали золотоордынскую археологию и позволили реконструировать цивилизацию Золотой Орды” (Федоров-Давыдов, 1994. С. 4). По письменным источникам хорошо известно о пребывании различных категорий древнерусского населения в Золотой Орде – князей, послов, представителей духовенства, купцов, воинов и пленных (Полубояринова, 1978. С. 8–48).

Нельзя забывать и о выплате дани (“выхода”) русскими землями, которая привозилась именно в Нижнее Поволжье. Ибн Баттута свидетельствует, что из Руси в Укек привозятся серебряные слитки – “саумы” (т.е. соммы), “на которые продается и покупается (товар) в этом крае” (Тизенгаузен, 1884. С. 303). На раннем этапе золотоордынской междоусобицы, в начале 1360-х годов князь Василий Тверской, отправившийся с данью в Орду, из-за военных действий между претендентами на ханский престол, не рискнул сам доставить дань и оставил ее в городе Бездеже (Насонов, 1940. С. 120), располагавшемся на Правобережье Нижней Волги.

Древнерусские материалы, свидетельствующие о присутствии русского населения, встречены на многих памятниках Нижнего Поволжья, вплоть до низовий Волги. Часть этих материалов была привозной, часть же, как это убедительно показала М.Д. Полубояринова (1978), судя по бракам и полуфабрикатам, производилась на месте. Древнерусские кресты, энколпионы, иконки (рис. 1, 2), детали хоросов, кадильницы, паникадила, колты, серьги, литейные формы, печати (рис. VI) и керамика не могли быть предметами торговли основной массы населения Золотой Орды с русскими землями, они говорят о присутствии в Улусе Джучи древнерусского населения.

Крупнейшими городскими центрами Нижнего Поволжья являлись городища Увекское, Царевское, Селитренное и Шареный Бугор.

Каждый крупный город Нижнего Поволжья в период существования Улуса Джучи имел свою более или менее развитую округу (Недашковский, 2000; 2006а; 2006б; Nedashkovsky, 2004), в состав которой входили и малые города (в каждом рас-

смотренном нами случае число их достигало трех-пяти).

Проследим, как распространены древнерусские и мордовские¹ материалы в четырех крупнейших группах памятников Нижнего Поволжья.

Увекское городище и его округа. Большой интерес представляет наличие на памятниках округа Укека значительного количества древнерусских и мордовских материалов.

Древнерусские материалы зафиксированы на 17 (32,1%) из 53 рассмотренных нами поселений (Алексеевское городище, Багаевка, Болдыревка, Колотов Буерак, Кондаково I–II, Курдюм, Мартышкино, Подгорное, Прапорский бугор, Пристанное, Рокотовка, Увекское городище, Хмелевка I, Чардымское II городище и селище, Широкий Буерак, Шумейка). Количественно, по имеющимся данным, древнерусская керамика составляет на этих поселениях от 1,1% (Хмелевка I) до 50% (Кондаково I–II) всех керамических материалов. Отмечены древнерусские материалы и на одном из местонахождений (Александровское), а также в комплексе одного из курганов у г. Энгельс (Максимов, 1960). Приведенные данные убедительно свидетельствуют о заметной доле древнерусского населения не только в Укеке, но и в части окружавших его золотоордынских поселений.

Следует отметить и присутствие мордовских материалов на семи (13,2%) поселениях (Багаевка, Колотов Буерак, Увекское городище, Хмелевка I, Чардымские I–II городища, Широкий Буерак). Однако они не столь многочисленны, как древнерусские, и встречены лишь на Правобережье Волги (причем только в северной и центральной части рассматриваемого нами района – ближе к собственно мордовским памятникам XIII–XIV вв., например Аткарскому могильнику). Две находки сюльгам отмечены и в курганной группе у с. Зауморье, на левом берегу Волги, а одна – в кургане у с. Большая Дмитриевка на р. Карамыш.

Царевское городище и его округа. Древнерусские материалы зафиксированы на трех (17,6%) из 17 рассмотренных нами поселений (Царевское, Водянское и Мечетное городища). Это свидетельствует о присутствии древнерусского населения не только на Царевском городище, но и на близлежа-

¹ В статье мы привлекаем и находки мордовских древностей на памятниках Нижнего Поволжья, так как они, как правило, сопутствуют древнерусским.

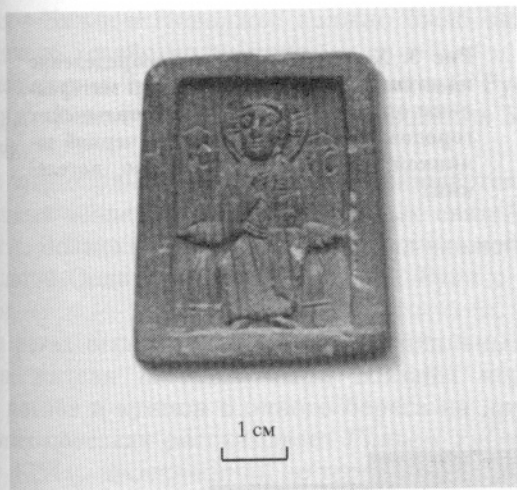

Рис. 1. Иконка из розового шифера с изображением Спаса на престоле, найденная на Увекском городище

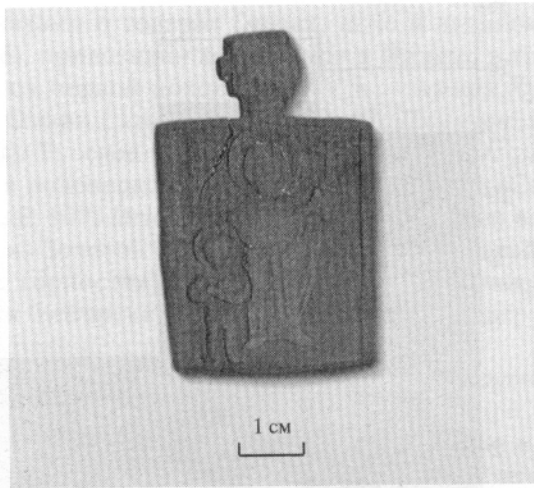

Рис. 2. Бронзовая иконка с изображением святых Кирика и Иулиты с поселения Кондаково II в округе Увекского городища (Энгельский краеведческий музей, № 12664)

щих к нему крупных золотоордынских поселений Правобережья Волги.

Следует отметить и наличие мордовских материалов на Водянском городище – 5,9% поселений. Находки сюльгам имеются в курганной группе у Зубовки на левом берегу Ахтубы.

Селитренное городище и его округа. Древнерусские материалы зафиксированы на одном (25%) из четырех известных поселений – на Селитренном городище.

Городище Шареный Бугор и его округа. Древнерусские материалы зафиксированы на одном (6,3%) из 16 рассмотренных нами поселений округа Шареного Бугра (Мошаик), а также на двух могильниках (Маячный Бугор I–II).

Итак, древнерусские материалы присутствуют на 22 (24,4%), а мордовские – на восьми из 90 известных поселений (8,9%) в рассмотренных нами районах.

Хронологические особенности памятников с древнерусскими материалами (рис. 3) примерно одинаковы с особенностями хронологии всех памятников, окружающих крупнейшие золотоордынские городища Нижней Волги (рис. 4). Близкая картина наблюдается и для менее многочисленных мордовских материалов (рис. 5). Однако следует отметить и некоторые отличия. Так, на этапе 1266–1312 гг. древнерусские материалы представлены на 66,7% всех известных поселений, в 1312–1365 гг. – на 39,4% поселений, в 1365–1380 гг. – на 41,7% поселений, в 1380–1395 гг. – на 42,1%, в 1395–1420 гг. – на 33,3%, а в 1420–1459 гг. – на 50% поселений. Таким образом, очевидно, что наибольшей доля поселений с древнерусскими материалами была в ранний период истории Золотой Орды (две трети всех поселенческих памятников этого времени имеют зафиксированные древнерусские материалы), а в дальнейшем эта доля была достаточно

стабильной – от трети до половины всех поселений вплоть до распада Улуса Джучи.

Если в округе городищ Царевское, Селитренное и Шареный Бугор древнерусские и мордовские материалы присутствуют только на крупных памятниках городского характера (древнерусские находки имеются на восьми, т.е. на 44,4% из 18 рассмотренных нами крупных поселений Нижнего Поволжья, а мордовские – на трех, т.е. на 16,7%), то в округе Увекского городища наблюдается иная картина. В округе Укека древнерусские материалы отмечены также на девяти средних (56,3% всех таких селищ в данном микрорегионе) и четырех мелких (16,7% селищ этого типа) поселениях, а мордовские – на трех средних (18,8% таких селищ) и на двух мелких (8,3% поселений этого типа).

Представляется, что в северной части Нижнего Поволжья, в окрестностях Увекского городища, где количество памятников с древнерусскими материалами максимально, русское население могло активно практиковать пашенное земледелие, используя плодородные черноземные почвы. Примечательно, что из семи рассмотренных нами нижеволжских поселений, на которых были найдены земледельческие орудия, на шести (85,7%) отмечены также древнерусские материалы, а на четырех (57,1%) – мордовские.

Рыболовные принадлежности обнаружены на 16 рассмотренных нами поселениях Нижнего Поволжья, из них древнерусские материалы найдены на десяти (62,5%), а мордовские – на четырех (25%).

Кости свиньи, очевидно связанные с питанием русского и мордовского населения, известны из материалов селищ Багаевское и Широкий Буерак, Царевского и Водянского городищ, а также поселения Самосделка.

Перечисленные данные свидетельствуют, что присутствие древнерусского и мордовского насе-

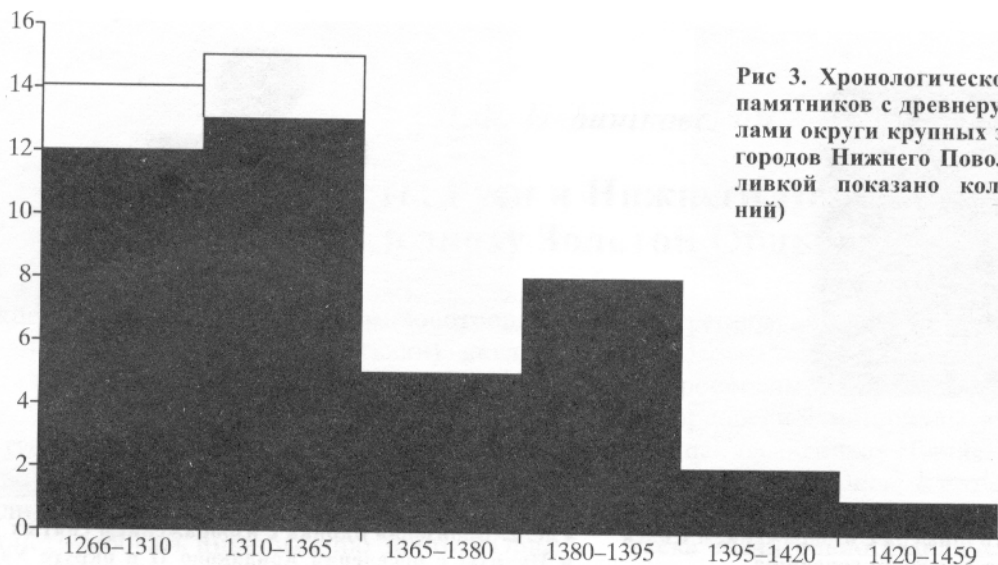

Рис 3. Хронологическое распределение памятников с древнерусскими материалами округи крупных золотоордынских городов Нижнего Поволжья (черной заливкой показано количество поселений)

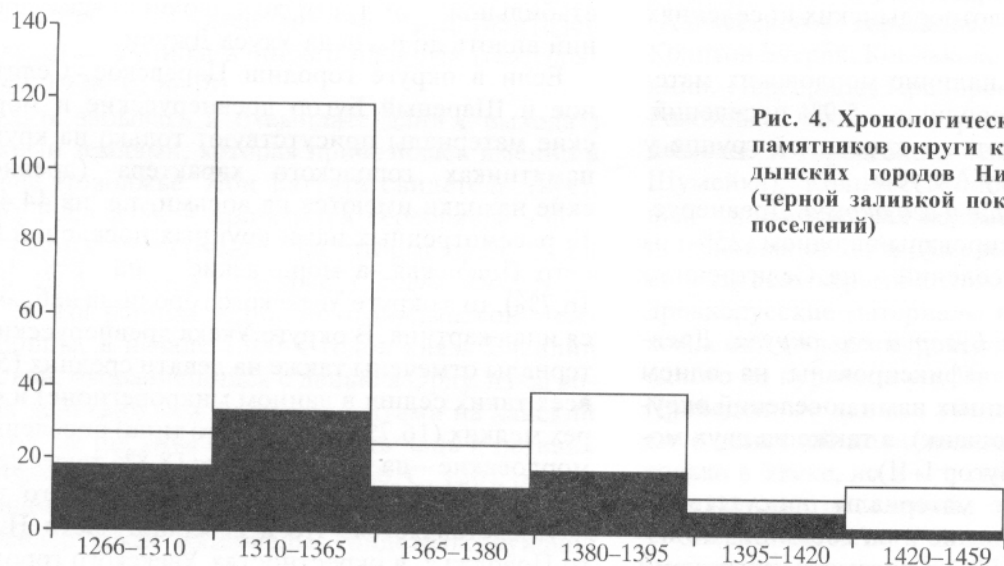

Рис. 4. Хронологическое распределение памятников округи крупных золотоордынских городов Нижнего Поволжья (черной заливкой показано количество поселений)

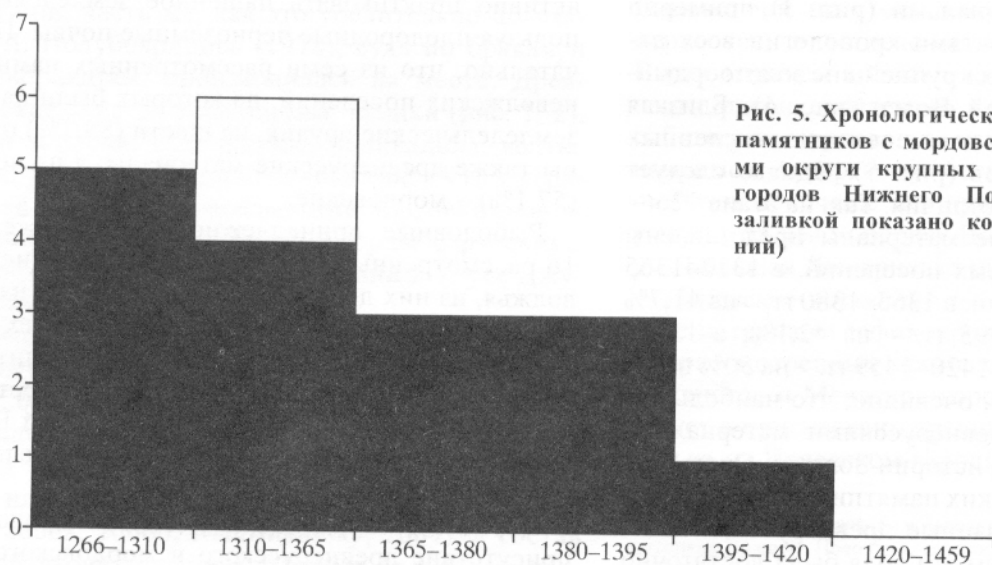

Рис. 5. Хронологическое распределение памятников с мордовскими материалами округи крупных золотоордынских городов Нижнего Поволжья (черной заливкой показано количество поселений)

ления в Нижнем Поволжье должно было оказать влияние на хозяйство региона.

Рассмотрим торговые связи Древней Руси и Нижнего Поволжья в эпоху существования Улуса Джучи.

В золотоордынский период наблюдается невиданный всплеск развития торговых связей Поволжья. Волжский торговый путь был важнейшим в Золотой Орде и в связях Древней Руси с Востоком.

На реках были организованы специальные поселки, жители которых были обязаны перевозить послов и купцов с одного берега на другой. Об этих поселках рассказывает Гиљом Рубрук, в 1253–1254 гг. проезжавший по территории Золотой Орды. Два таких поселка, населенных русскими, располагались в верхнем и нижнем течении Дона (Карпини, 1957. С. 109–110), а один, населенный русскими и мусульманами, – на Волге (Карпини, 1957. С. 118). Жители этих поселков имели “льготу от Бату, а именно: они не обязаны ни к чему, как только перевозить едущих туда и обратно” (Карпини, 1957. С. 109), т.е. были освобождены от всех налогов и повинностей. Более того, им давалось право взимать с купцов большую дань (Карпини, 1957. С. 109). Вероятно, Бату дал все эти привилегии жителям поселков с целью как можно скорейшего восстановления торговых связей, в частности, благодаря организации налаженных переправ через крупные реки.

Мероприятия ханской власти по развитию торговли способствовали и развитию торговых связей Поволжья, бывшего уже в то время центром, в котором сходились торговые пути из всех районов огромного Улуса Джучи.

Где-то в промежутке между 1266 и 1270 гг. новгородские купцы получили право “гостить по Суздальской земли безъ рубежа, по цесареви грамоте” (Грамоты..., 1949. С. 13), т.е. по какому-то не дошедшему до нас ярлыку Менгу-Тимура, упоминание о котором сохранилось в договорной грамоте Новгорода с великим князем Ярославом Ярославичем.

В 1266–1272 гг. Менгу-Тимур направляет специальный ярлык-послание великому князю владимирскому Ярославу Ярославичу. В этом ярлыке джучидский хан призывал Ярослава дать “путь немецкому гостю на свою волость” (Грамоты..., 1949. С. 57), вероятно, для последующего проезда их в центральные земли Золотой Орды. Такое обеспечение безопасности проезда “немецких гостей” – в данном случае рижских купцов – из Прибалтики через Новгородскую и Владимиро-Суздальскую земли в Среднее и Нижнее Поволжье должно было повлечь за собой активизацию торговли Поволжского региона с Балтикой и с Западной Европой.

Уже в начале XIV в. существовали и торговые связи Поволжья с Индией, что подтверждается

рассказами о товарах (мечах, льне и льняном полотне), привозившихся из Руси в Индию, в трудах авторов первой половины XIV в. – Амира Хусрау и ал-Омари (Заходер, 1955. С. 17; Лимонов, 1961. С. 59). Русское полотно (“russi chetan”) упоминается в половецкой части Codex Cumanicus (Codex, 1981. Р. 107; Drimba, 2000. Р. 96). В Индию ввозились из Золотой Орды шкурки пушных зверей (соболя, горностая), в большинстве своем покупавшиеся болгарскими купцами у народов Севера или поступающие с территории Руси.

Есть упоминание (под 1323 г.) о купце-христианине из Иерусалима, замученном в Булгаре в результате религиозного спора: “Того же лета в Болгарехъ, иже на Волзе и Каме, замучиша некоего христианина Иерусалимлянина, гостя суша, много богатства имуще, и много философии изучена, именем Феодора; и прашеся с ними о вере, они же окаании не стерпеша своего поругания, замучиша его за православную веру христьянскую, месяца апреля 21 день” (ПСРЛ, 1965а. Т. IX–X. С. 188–189).

Торговля Северо-Восточной Руси с Востоком шла именно по Волжскому пути. Ибн абд-аз-Захир (кади Мухмад-ад-дин Абу-ль-Фадл Абдаллах, сын абд-аз-Захира), бывший секретарем египетского султана ал-Малик аз-Захир Рука ад-дин Бейбарса I ал-Бундукдари (1260–1277) и умерший в 1293 г., в своем сочинении “Видный сад в жизнеописании ал-Малик аз-Захира” писал о Волге, в связи с приездом послов мамлюкского султана к золотоордынскому хану Берке в Нижнее Поволжье в 1263 г.: “по ней (ходят) суда русских” (Тизенгаузен, 1884. С. 63). По Волге на Русь экспортировалась соль, о чем пишет Барбаро, живший в Тане с 1436 по 1452 г.: “Ежегодно люди из Москвы плывут на своих судах в Астрахань за солью” (Барбаро..., 1971. С. 157). С русских купцов взимались пошлины, так Иосафат Барбаро в своем “Путешествии в Тану” (написано в 1488–1489 гг.) сообщает: “Сейчас прошло, вероятно, лет двадцать пять с тех пор, как русские платили за плавание [по Волге] дань татарскому хану” (Барбаро..., 1971. С. 158).

На Русь поступали из Золотой Орды хорезмские каменные котлы, перстни из стекла, стеклянные и кашинные бусы, неполивная, поливная и штампованная золотоордынская керамика, встреченная при раскопках многих русских городов вплоть до Новгорода и Белоозера (Голубева, 1973. С. 168, 186–188, рис. 61, 1–3; 66, 3, 5–6, 13; Дубынин, 1956. С. 127; Коваль, 1995. С. 170–171, рис. 1, 1; 1997а. С. 153–166, рис. 1, 4, 5, 12, 13; 2, 1–8; 1997б. С. 107–113, 115–120, рис. 2, 5–10; 5, 4, 5; 1997в. С. 99, 104–107, рис. 2, 1; 2003. С. 61, 63; Колызин, 2001. С. 100–101, 103–105, рис. 38, 39, 40, 1, 2, 6; Медведев, 1963. С. 271–274, 276–286; Монгайт, 1948. С. 70–73; 1961. С. 324–326, рис. 146; Полу бояринова, 1978. С. 48; 1993. С. 106–107; Рыби-

на, 1978. С. 50–51; 2001. С. 88; Федоров-Давыдов, 2001. С. 220). В “Рижской долговой книге” 1286–1352 гг. упоминаются “двойные болгарские куски” воска (Лимонов, 1961. С. 63). Через Среднее и Нижнее Поволжье привозились на Русь сердолик, горный хрусталь и лазурит (Рыбина, 1978. С. 52; 2001. С. 242–244; Федоров-Давыдов, 2001. С. 221), иранская, сирийская, среднеазиатская и закавказская поливная керамика (Коваль, 1996. С. 236–239, рис. 1, 1, 2, 4, 5, 7, 10; 1997а. С. 156–157, рис. 1, 6–11; 1997б. С. 107–109, 111, рис. 2, 1, 2, 4; 2003. С. 59–60; Колызин, 2001. С. 100–101, рис. 40, 3), китайские селадоны (Коваль, 1997а. С. 158–159, рис. 2, 9; 1997в. С. 101–102, рис. 3, 9; Колызин, 2001. С. 101–102, рис. 41; Полубояринова, 2003. С. 157, 163; Федоров-Давыдов, 2001. С. 220), ближневосточная стеклянная посуда (Бусятская, 1972. С. 85; Колызин, 2001. С. 98–99, рис. 37, 2, 3; Столярова, 1997. С. 104–105, рис. 8, 1). В новгородской берестяной грамоте № 125 рубежа XIV–XV вв. имеется фраза “купи ми зендяню добру”, в которой названа хлопчатобумажная ткань “зендень” (“занданичи”), получившая наименование по селению Зандана (Зендене) под Бухарой (Арциховский, 1969. С. 281). По всей Волге и далее вплоть до Новгорода с Кавказа распространялся самшит, а с берегов Индийского океана – раковины каури (Колызин, 2001. С. 82–83, 109, рис. 20, № 397, 398; Рыбина, 1978. С. 45, 49; 2001. С. 85–87).

Встречаются клады золотоордынских монет в московских и нижегородских землях, также порой связанные с купечеством (Волков, 2005. С. 63; Колызин, 2001. С. 106, 156, 160–161, 179, 210–213, рис. 52, 3; 53, 54; Федоров-Давыдов, 1960. С. 150, 185, № 108а, 312; 2003. С. 47, 88–89, 106–107, 113, № 95д, 97б, 208б, 214б, 217а, 312а, 312б). Отмечены также единичные находки джучидских дирхемов и пулов на территории Московского, Тверского, Суздальско-Нижегородского княжеств (Волков, 2005. С. 64–65; Колызин, 2001. С. 160–161, 210–213; Федоров-Давыдов, 1963. С. 203–204, № 479, 480, 488–493).

Из Русских земель в Среднее и Нижнее Поволжье поступали стеклянные браслеты, некоторые типы перстней, а также янтарь.

С конца XIV в., когда на Руси возобновляется чеканка монет, русские денги часто присутствуют в качестве примеси (от 0,1% до 13,4%) в составе золотоордынских монетных кладов Среднего и Нижнего Поволжья. Судя по размерам кладов, содержащих в своем составе русские монеты, данные комплексы, вероятно, являются сбережениями купцов, ведших торговые операции на Руси (Волков, 2000. С. 80–82; Колызин, 2001. С. 157–159, 184–185, 189–192; Федоров-Давыдов, 1960. С. 114–115, 122–123, 157, 169–170, № 141, 198, 200, 201, 202а, 202б; 1963. С. 218, № 201а; 1974. С. 180, № 202в, 202г; 2003. С. 56, 95–99, 105, № 151а, 152г, 152д,

202е). В 2001–2002 гг. на Селитренном городище был найден клад из более чем трех тысяч серебряных монет, находившихся во фрагменте золотоордынской красноглиняной водопроводной трубы, заткнутом куском ткани; определяемые монеты преимущественно относились к чеканке Суздальско-Нижегородского княжества, кроме них в кладе имелись 13 денег великого князя московского Василия II Васильевича и 5 золотоордынских дирхемов XV в., в том числе ханов Тимура, Гияс-ад-Дина и Улу-Мухаммеда, в состав клада входили также две монетные заготовки (Тростянский, 2004. С. 237–268). Встречаются русские монеты и как единичные находки на поселениях Среднего и Нижнего Поволжья (Гончаров, Тростянский, 2004. С. 95; Лебедев, Клоков, 2005. С. 58–60, рис. 1, 8; Недашковский, 2000. С. 106)².

Особенно большой удар по поволжской торговле, а также по городам Нижней Волги, нанесла золотоордынская междоусобица 60-х – 70-х годов XIV в. (“великая замятня”), так как Поволжье было политическим и экономическим центром Золотой Орды, за который и шла основная борьба враждующих претендентов на ханский престол.

Эмир Булат-Тимур (“князь Ординьскы”) в 1361 г. захватил Булгар, где пытался образовать независимое княжество: “Болгарь взял и все города по Волге и улусы и отня весь Волжьский путь” (ПСРЛ, 1949. Т. XXV. С. 181). Булгар в 1361 г. был почти полностью разрушен Булат-Тимуром. Это привело к значительному уменьшению роли города в поволжской торговле. Большую роль в ослаблении Булгара во второй половине XIV – начале XV в. сыграли набеги новгородских ушкуйников, совершавшиеся в 1360, 1366, 1374, 1375 и 1409 гг. (Полубояринова, 1993. С. 9; Смирнов, 1951. С. 68–70).

В период междоусобицы имущество купцов неоднократно разграблялось. Так, есть данные об убийстве и ограблении в Поволжье в 1378 г. русских купцов по приказу хана Арабшаха (ПСРЛ, 1965б. Т. XI–XII. С. 28; Полубояринова, 1978. С. 45). Купцы часто вынуждены были прятать свои сбережения, зарывая клады, но впоследствии у них не всегда имелась возможность вернуть их себе ввиду постоянно менявшейся политической и военной ситуации.

Несмотря на протекционистскую политику Токтамыша, направленную на возрождение городов и торговли, она не всегда была последовательной. Так в 1382 г. Токтамыш перед походом на Москву распорядился перебить и ограбить в Булгаре христианских и русских купцов, препроводив их суда и товары к себе (ПСРЛ, 1949. Т. XXV. С. 206; Полубояринова, 1978. С. 45).

² На Рождественском V селище в 2005 г., помимо опубликованного экземпляра, была найдена анонимная денга чеканки Суздаль 1427–1429 гг.

Но торговля в Сарае даже в XV в. приносила немалые доходы иноземным купцам. Сохранился отчет ширазского купца Шамс ад-Дина Мухаммеда, продавшего в Сарае в 1438 г. свои товары и закупившего там китайские шелк-сырец, шелковую камку, атлас, европейское сукно и русское полотно (Захoder, 1955. С. 14–19).

Таким образом, тесные многоаспектные этнические, хозяйственные и торговые контакты Нижнего Поволжья с Древней Русью, охватывавшие все слои населения – от представителей правящих династий до рядовых земледельцев, сохранялись на всем протяжении существования золотоордынского государства.

Литература

- Арциховский А.В., 1969. Одежда // Очерки русской культуры XIII–XV веков. М. Ч. 1: Материальная культура.
- Барбаро и Контарини о России: К истории итало-русских связей в XV в. Л., 1971.
- Бусятская Н.Н., 1972. Художественное стекло стран Ближнего Востока на территории Восточной Европы (X–XIV вв.) // Вестник МГУ. Серия IX (история). № 2.
- Волков И.В., 2000. Русские монеты вкладах Поволжья последней четверти XIV – первой четверти XV в. // Восьмая всероссийская нумизматическая конференция. М.
- Волков И.В., 2005. Об обращении джучидского дирхема в московских землях во второй половине XIV – начале XV в. // Труды международных нумизматических конференций: Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков. М.
- Голубева Л.А., 1973. Вещь и славяне на Белом озере. X–XIII вв. М.
- Гончаров Е.Ю., Тростянский О.В., 2004. Монетный комплекс XV в. из села Рождествено // Двенадцатая всероссийская нумизматическая конференция. М.
- Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.
- Дубынин А.Ф., 1956. Археологические исследования в Зарядье (Москва) // КСИИМК. № 65.
- Захoder Б.Н., 1955. Ширазский купец на Поволжье в 1438 г.: (К вопросу о русских экономических связях с Сибирью, Средней Азией и Передним Востоком) // Краткие сообщения Института востоковедения. М. Т. XIV.
- Карпини Джованни дель Плано, 1957. История монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. М.
- Коваль В.Ю., 1995. Люстровая керамика Ближнего и Среднего Востока из раскопок в Великом Новгороде // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Новгород. Вып. 9.
- Коваль В.Ю., 1996. Иранская люстровая керамика в средневековой Руси // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь. Вып. 1.
- Коваль В.Ю., 1997а. Восточная керамика золотоордынской эпохи в средневековом Новгороде // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Новгород. Вып. 11.
- Коваль В.Ю., 1997б. Керамика Востока в средневековой Москве: (Опыт систематизации). Часть I: Фаянсы и полуфаянсы // РА. № 2.
- Коваль В.Ю., 1997в. Керамика Востока в средневековой Москве: (Опыт систематизации). Часть II: Полумайолика, фарфор, неполивная посудная, техническая, декоративная и архитектурная керамика // РА. № 3.
- Коваль В.Ю., 2003. Глазурованная керамика из окрестностей Увеча // КСИА. Вып. 215.
- Колызин А.М., 2001. Торговля древней Москвы: (XII – середина XV в.). М.

Лебедев В.П., Клоков В.Б., 2005. Иноземные монеты XII–XV вв. на золотоордынских городищах Поволжья // Труды международных нумизматических конференций: Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков. М.

Лимонов Ю.А., 1961. Из истории восточной торговли Владимиро-Суздальского княжества // Международные связи России до XVII в. М.

Максимов Е.К., 1960. Находка древнерусского шлема в Саратовском Заволжье // СА. № 4.

Медведев А.Ф., 1963. Ближневосточная и золотоордынская поливная керамика из раскопок в Новгороде // МИА. № 117.

Монгайт А.Л., 1948. Золотоордынская чаша из Новгорода Великого // КСИИМК. Т. XIX.

Монгайт А.Л., 1961. Рязанская земля. М.

Насонов А.Н., 1940. Монголы и Русь: (История татарской политики на Руси). М.; Л.

Недашковский Л.Ф., 2000. Золотоордынский город Укек и его округа. М.

Недашковский Л.Ф., 2006а. Нижневолжский золотоордынский город и его округа // РА. № 4.

Недашковский Л.Ф., 2006б. Хронология нижневолжского золотоордынского города и его округа // РА. № 3.

Полубояринова М.Д., 1978. Русские люди в Золотой Орде. М.

Полубояринова М.Д., 1993. Русь и Волжская Болгария в X–XV вв. М.

Полубояринова М.Д., 2003. Китайский селадон из Болгары // РА. № 2.

ПСРЛ. М.; Л. 1949. Т. XXV: Московский летописный свод конца XV века.

ПСРЛ. М., 1965а. Т. IX–X: Патриаршая или Никоновская летопись.

ПСРЛ. М., 1965б. Т. XI–XII: Патриаршая или Никоновская летопись.

Рыбина Е.А., 1978. Археологические очерки истории новгородской торговли X–XIV вв. М.,

Рыбина Е.А., 2001. Торговля средневекового Новгорода: Историко-археологические очерки. Великий Новгород.

Смирнов А.П., 1951. Волжские булгары // Труды ГИМ. Вып. XIX.

Столярова Е.К., 1997. Происхождение и хронология стеклянных изделий Москвы XII–XIV вв. // РА. № 4.

Тизенгаузен В.Г., 1884. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб. Т. I.

Тростянский О.В., 2004. Клад суздальско-нижегородских монет XV века с Селитренного городища // Нумизматический сборник. Москва; Нижний Новгород. Т. 4.

Федоров-Давыдов Г.А., 1960. Клады джучидских монет // НЭ. Т. I.

Федоров-Давыдов Г.А., 1963. Находки джучидских монет // НЭ. Т. IV.

Федоров-Давыдов Г.А., 1974. Находки кладов золотоордынских монет // Города Поволжья в средние века. М.

Федоров-Давыдов Г.А., 1994. Золотоордынские города Поволжья. М.

Федоров-Давыдов Г.А., 2001. Золотоордынские города Поволжья: Керамика. Торговля. Быт. М.

Федоров-Давыдов Г.А., 2003. Денежное дело Золотой Орды. М.

Codex Cumanicus / Ed. by G. Kuun; with the Prolegomena to the Codex Cumanicus by Louis Ligeti. Budapest, 1981.

Drimba V., 2000. Codex Comanicus: Édition diplomatique a vec fac-similés. Bucarest.

Nedashkovsky L.F., 2004. Ukek: The Golden Horde city and its periphery // BAR. International Series. Oxford. 1222.

the chronicles of 1111 about the work commencing on the extension of the state territory eastwards at the height of the first onslaught by the Polovtsy.

It is noteworthy that the warlike dwellers of the steppes usually abided by the conditions of the peace agreements made. Also important is that the nomad hordes and clans, driven out of their customary environment and weakened by internal feuding, adapted quite quickly in the limited confines of the territory near the Russian border, settled the land and then zealously defended the borders of the state, which had accorded them a refuge against incursions from communities which ethnically speaking were far closer to them.

At the end of the 12th century there was a reduction in expansion by the Polovtsy. Nevertheless, at

the beginning of that same century a slowing down in the construction of outer lines of defence could already be observed, which reflected a decreased threat of external attack. Other signs appeared of a drawing together of the leaders of Polovtsian units with princely dynasties, which played a part in the increasing feudalization of the steppe-dwellers. A sign of the gradual conversion to Christianity of the former steppe-dwellers is their more frequent use of Russian Christian names. Finally, at the beginning of the 13th century, a tendency towards an equilibrium between the two sides made itself felt, possibly facilitated by the emergence of hereditary power characteristic of the early nomadic state and the appearance of a common enemy in the steppes of the North Pontic region, namely the Mongols.

V.Yu. Koval

Men of the Golden Horde in Medieval Russia

This article is devoted to the identification of categories of artefacts used as grave goods and of pottery which testify to the presence of representatives of the leaders of the Golden Horde and the military contingents supporting them in the territory of Medieval Russia during the late-13th and 14th centuries. The following objects serve as markers for that presence: stone and cast-iron cauldrons, bronze mirrors, glass and *kashin* beads, *kashin* buttons and pendants, valuable glazed and glass vessels, certain articles made of gold and precious stones and so on. The materials examined testify to the fact that those linked to the Horde by ethnic descent (representatives of various peoples of the steppe, which had been integrated into the Juchid state and who subsequently constituted the basis of the Tatar people) indeed lived for a long time within the main territory of Medieval

Russia. Naturally the material traces of their presence are linked above all with the aristocratic élite, which left behind it the most impressive imported articles. The numerous military contingents, which, for obvious reasons, accompanied that aristocracy, left far fewer material traces behind them. In general, the "trace of the Horde" can be quite well established through archaeological evidence, but only via the combination of a number of factors. Each of these on its own cannot, as a rule, be regarded as unequivocal evidence of the presence of the men of the Horde. In general though, it has to be admitted that considerably fewer archaeological traces of representatives of the Golden Horde in Medieval Russia are being recorded nowadays than traces of the presence of Russians within the territory ruled by the Horde.

L.F. Nedashkovskii

Contacts between Medieval Russia and the Lower Volga region during the time of the Golden Horde

Medieval Russian materials which testify to the presence of a Russian population have been found at many sites in the Lower Volga region. Some of these materials were imported, but others were manufactured locally. The Russian materials account for 22 objects (24.4%) and Mordvinian materials for 8 objects (8.9%) at the ninety known settlements from the four largest groups of sites in the Lower Volga region studied by our research team.

The chronology of the sites containing Medieval-Russian materials corresponds approximately to that of all the sites surrounding the largest cities of the Golden Horde in the Lower Volga region. We need, however, to mention some differences as well. The proportion of the settlements containing Medieval-Russian materials was largest in the early Golden Horde period (two thirds of all those settlements contained Russian materials) and was subsequently constant – rang-

ing between one third to half of all the sites up until the collapse of Ulus of Juchi. Medieval-Russian materials and Mordvinian ones are to be found only in the urban centres in the vicinity of the Tsarevskoye, Selitrennoye and Sharen'yi Bugor sites: near the Uvek site they were also found in villages. The Russian population could have been engaged in agriculture in the northern part of the Lower Volga region, where the number of sites containing Medieval-Russian materials is largest.

Finger-rings made of glass, *kashin* and glass beads and pottery were brought to Medieval Russia via the Golden Horde. Cornelian, rock crystal, lapis lazuli, glazed pottery from Iran, Syria, Central Asia and Transcaucasia, Chinese celadon vessels and glassware from the Near East were brought to Medieval Russia via the Central and Lower Volga regions. Glass bracelets, certain types of finger-rings and amber were brought from Russian lands to the Central and Lower Volga regions.

M.E. Rodina

Links between North-eastern Medieval Russia and the Lands of the East in the 10th–14th Centuries

In this article the countries of the East are understood as the states situated to the East and the South of the Vladimir-Suzdal principality, in particular the nearest eastern neighbours – Volga Bulgaria and the Golden Horde and also more distant states (Egypt, Syria, Iran, India and the countries of the Caucasus and Central Asia). The links with the latter and Moorish Spain were essentially of the commercial variety: the trading was not direct, however, but via intermediaries. Spices, silver, silk and other high-status commodities were brought from the East to Medieval Russia. The Vladimir-Suzdal principality, thanks to its geographi-

cal location, was an intermediary in this trade and itself exported honey, wax, furs and linen textiles. Indirect evidence for the importance of this eastern trade by way of the Volga-Caspian route was the fact that in Vladimir the gate leading down to the river wharf on the bank of the Klyazma river was known not as the Klyazma Gate, but as the Volga Gate. Trading with the East had begun as far back as the Finno-Ugric era. Between the 9th and 14th centuries these links would sometimes be in the ascendant and sometimes in decline, but were never broken off: all that occurred would be a change in trading partners.

V.Yu. Koval

An Iranian Jug from Excavations in Suzdal

In 1973 during excavations in Suzdal on the site of a building which had been destroyed by fire, an intact *kashin* jug was found of a type extremely rare in Medieval Russia: eastern semi-faience with painted decoration in three colours (green, blue and purple). The body of the jug was decorated with three horizontal bands of epigraphic decoration, scratched on to half-dry green paint – the words “Allah – our mainstay” worked in the Naskhi script. The jug was an example of well-known “Sultanabad ware” produced in Iran in the late-13th or early-14th century. Together with the jug, three red-clay vessels were found which had been manufactured in Volga Bulgaria. Earlier all these vessels and the assemblage which had included them were dated to the pre-Mongol era. Study of the assemblage has shown, however, on the basis of most of its features, that it appears to belong to the Early Golden-Horde period, i.e. to the same period as the “Sultanabad” jug. It is likely that the whole range of eastern vessels and

the building in which they were found had belonged to an official of the Golden Horde, who had resided on a permanent basis in Suzdal. The building was destroyed by fire, after which it was not restored, its foundation trench was filled in and the actual plot of ground was laid out anew: all this would point to the fact that the fire had not been an ordinary one, but had been linked with some major upheaval in the life of the city. In the period of interest to us it could have been the ravage of the city by “Dyuden's army” in 1293 (when, for a whole number of reasons, the dwellings in the town belonging to men of the Golden Horde could have suffered), or some other catastrophic event in the first half of the 14th century.

In view of the above, Building № 1 with its assemblage of imported (eastern) vessels is possibly one of the extremely small number of sites indicating the presence of representatives of the Golden Horde in Medieval Russia.

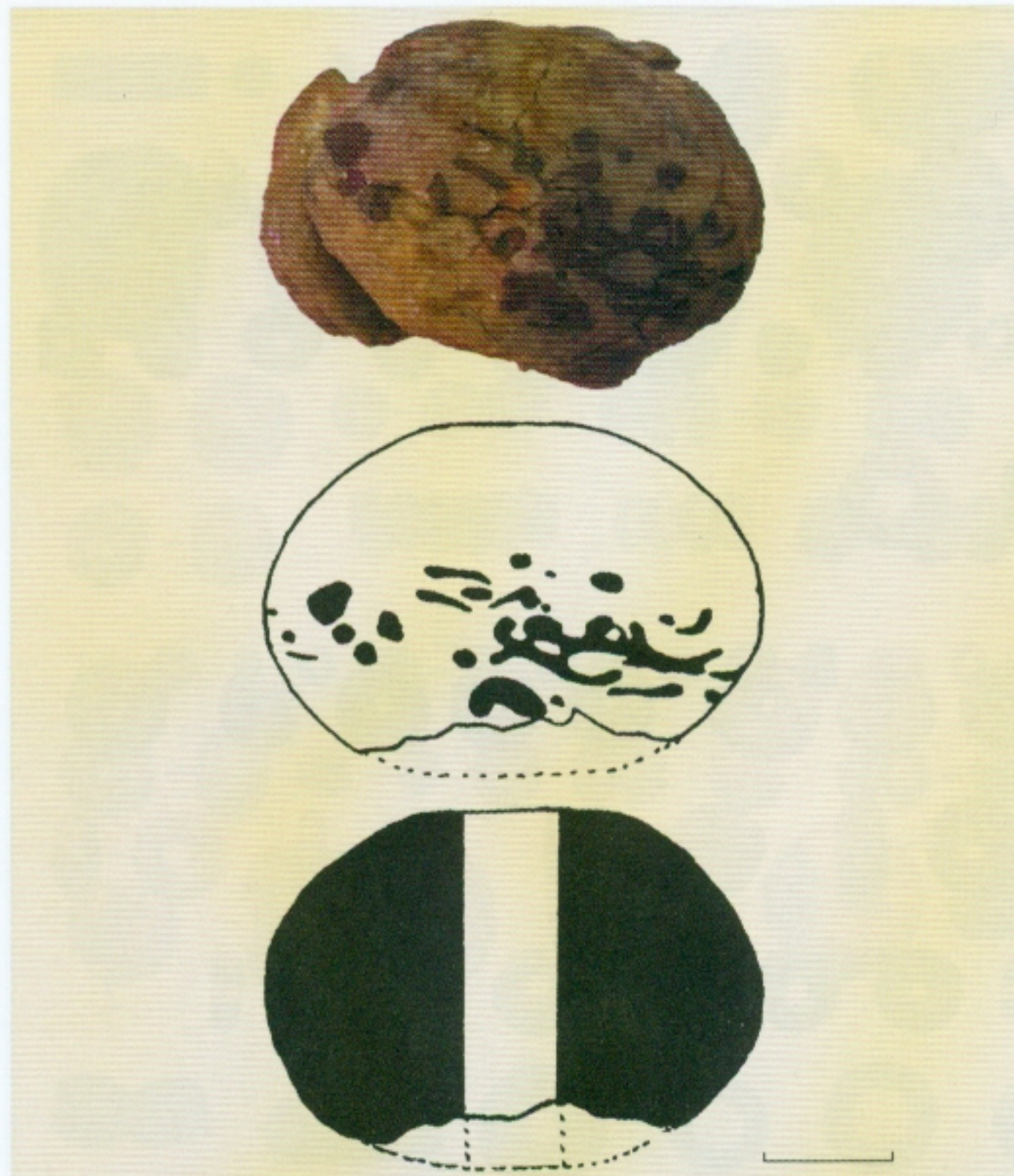

Рис. IV. Стекланная бусина. Ростиславль Рязанский

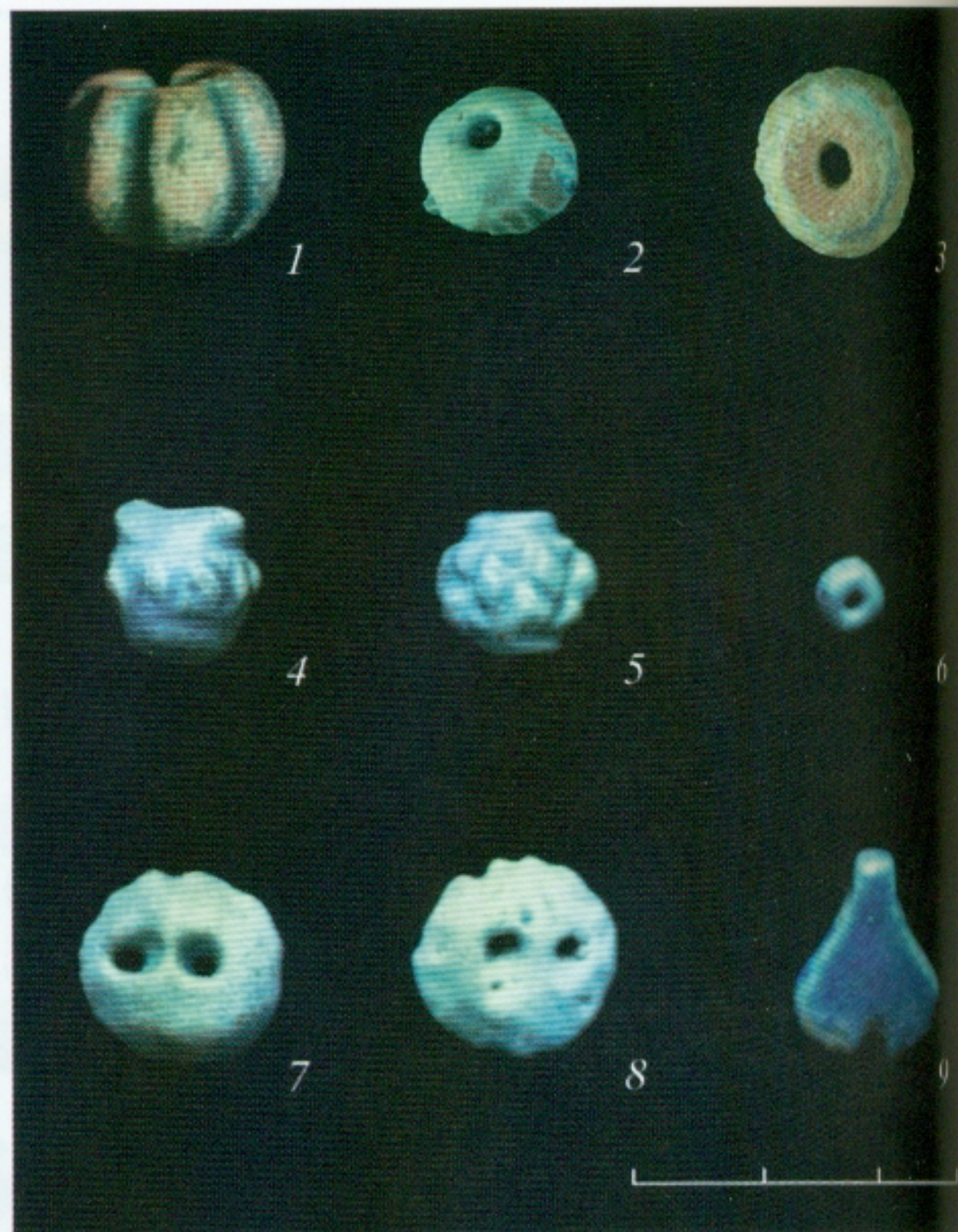

Рис. V. Кашинные бусы (1-6), пуговицы (7, 8) и подвеска (9). Суздаль, Мякинино, Нижний Новгород

Рис. VI. Оттиски каменной печати древнерусского князя Михаила, найденной на Увекском городище (Архив Саратовского областного музея краеведения. Фонд А.А. Короткова. Оп. 1. Ед. хр. 75. Л. 65 об.)